

кий Петр Буторин вспоминает: «Отец же мой внезапно начат глаголати: „Поедем *мы* в волость хлеба ради“. И *поехаша*, и ветру сущу велику. И егда *бывшим нам* у Шаряпова наволока, напрасно пришед волна и наполни карбас наш воды»³⁵ (курсив наш. — А. Г.).

Из всего сказанного можно сделать, как нам кажется, вывод о том, что точка зрения Э. Кинана о вторичности «Истории» Курбского по отношению к «Скифской истории» Лызлова не находит подтверждения, аргументация Э. Кинана неубедительна: «История о великом князе Московском» и «Казанская история» второй редакции являются основными источниками Лызлова в разделе, посвященном взятию Казани в 1552 г.

Добавим, что «Скифская история», датируемая во всех ее списках 1692 г., никак не могла быть источником «Истории» Курбского, древнейшие списки которой датируются 1677 г. Чувствуя это, Э. Кинан вскользь говорит о каком-то третьем памятнике, послужившем источником как для Курбского, так и для Лызлова. Однако приведенные в этой статье данные о взаимоотношениях текстов, на наш взгляд, опровергают такое предположение. Именно «История» Курбского, а не какой-то третий памятник послужила источником «Скифской истории».

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПОВЕСТЬ XVII в. О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУСИ

Во второй половине XVII в. получила широкое распространение легендарно-историческая повесть о происхождении славян и начале Русского государства. Она встречается во многих летописных сводах, хронографах и сборниках под названием «История о зачале Руския земли и создании Новаграда...», «Начало Словенску, еже есть Великий Новград именуется» и др.¹

Начинается повесть рассказом о разделении вселенной между потомками Ноя, среди которых особое внимание уделено Словену и Русу, давшим якобы начало славянам и руси и основавшим города Великий Словенск и Русу. Далее говорится об отношениях

³⁵ Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. — ТОДРЛ, 1970, т. XXV, с. 193. — Публикация осуществлена на основе пяти списков, из которых форма «поехаша» читается в четырех, в пятом — «поехати».

¹ Повесть опубликована А. Н. Поповым (по двум спискам) и Ф. Гиляровым (по двадцати трем спискам): Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, входящих в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 442—447; Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 15—23.

славян и руси с их соседями и приводится грамота Александра Македонского, признавшего право славян на земли от Варяжского до Хвальгнского моря. После описаний бедствий, опустошивших «Словенскую землю», рассказано о возрождении ее древних городов: Великий Словенск был поставлен на новом месте и назван поэтому Новградом, а Руса — на старом месте (отсюда «Старая Руса»). Завершается повесть историей призвания на новгородский престол потомка римского «кесаря Августа», «курфирста или князя великого» Рюрика, положившего начало русской княжеской династии.

Повесть представляет собой новое воплощение идеи, связывавшей русскую государственность с мировыми державами прошлого и отраженной в известном рассказе о потомках Августа и о дарах Мономаха.² Однако по сравнению с ним повесть существенно изменяет расстановку акцентов: от подробного рассказа о роде Рюрика осталось лишь краткое упоминание о совете Гостомысла призвать на Русь «самодержцев, иже от рода кесаря Августа кровницы суще». При этом обеднение «римской линии» не компенсируется введением «македонской линии», поскольку легенда о грамоте Александра имела в виду не русскую государственность, а ее общеславянскую предысторию.

Мысль о высоком происхождении русских правителей отступает в новой повести на задний план, тогда как главными оказываются утверждение протяженности отечественной истории и расширение ее границ за счет общеславянского мифотворчества. Такая тенденция была свойственна в XVII—XVIII вв. почти всем славянским литературам.³

Сочиняя изложенную в повести легенду, автор ее опирался на хорошо знакомые русским книжникам источники — начиная от Библии и рассказа о потомках Августа («Истории о князьях владимирских») до «Польской хроники» Мартина Бельского, откуда был заимствован текст «грамоты Александра Македонского».⁴ В известиях о расселении славян отразились в трансформированном виде мотивы Повести временных лет.

² Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895, с. 62—151; Дмитриева Р. П. 1) Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; 2) К истории «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 343—346; 3) О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. XXX, с. 217—230; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 129—138; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. XXX, с. 204—216.

³ Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, с. 112.

⁴ В XVII в. существовало несколько русских переводов «Хроники» Мартина Бельского и «Хроники» Мацея Стрыйковского, воспроизводившей ряд легенд, содержащихся в книге Мартина Бельского (Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его хроника. М., 1966, с. 264—265, 304).

Эрудиция автора повести проявилась не только в его обращении к многообразным источникам, но и в приемах построения легендарного сюжета: описываемые события он связывает с топонимикой русских земель. Наделив многих героев повести (древних князей и их родичей) именами, производными от названий русских городов и рек, автор стремился не только придать правдоподобие своему рассказу, но и найти объяснение соответствующим географическим терминам. Чаще всего упоминаются названия, связанные с Новгородом: Ильмень, Волхов, Волховец, Шелонь, Перынь, Волотово и др. Если еще учесть, что повесть сводит историю Древней Руси к событиям, происходившим в Новгородской земле, то можно говорить о близости создателя повести к новгородской культурной среде.

Литературная судьба этой повести и ее роль в историографии XVII в. до сих пор не изучены. Между тем анализ ее многочисленных списков позволяет восстановить историю проникновения повести в русскую книжность и проследить, как изменялось ее содержание и какими обстоятельствами это было обусловлено.

В результате изучения более 100 списков повести, хранящихся в Москве и Ленинграде, было выделено несколько ее редакций.⁵ Первая из них входит в состав свода, оканчивающегося известием 7158 (1650 г.) о смерти царевича Дмитрия Алексеевича и названного А. Н. Насоновым «сводом 1650 года».⁶ Этот свод имеет заглавие: «Летописец вкратце о русской земли, от которого колена росиския и словянския люди и почему именуется Россия и словяне. И о создании Великаго Новеграда. И откуда влечашеся род словянских князей». Как видим, это заглавие представляет собой краткую аннотацию изучаемой повести.

Поскольку в заглавии отражено лишь содержание повести, а не все содержание свода, можно было бы предположить, что повесть сложилась вне рамок данного свода, а лишь потом была к нему присоединена и передала ему свое заглавие. Однако ни одного списка этой редакции повести в качестве самостоятельного произведения до нас не дошло, и это позволяет считать, что повесть была создана в процессе составления свода 1650 г. В пользу такой гипотезы говорит и склонность составителя этого свода к легендарным сюжетам: здесь, например, впервые появляется легенда об основании Москвы Олегом, помещенная почти сразу же за изучаемой нами повестью. Кстати, некоторые мотивы этой повести и данной легенды близки друг к другу.⁷

Возможно, что включение повести в свод 1650 г. было связано

⁵ Выражаю благодарность Б. М. Клоссу и О. В. Творогову за указание ряда списков повести.

⁶ Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. 4. М., 1955, с. 271; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 487.

⁷ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964, с. 255.

со стремлением его составителей подчеркнуть значение новгородских истоков русской истории, умалив тем самым значение ее киевского этапа. В таком случае можно предположить, что повесть вышла из среды московских «боголюбцев», выступавших в конце 1640-х—начале 1650-х годов против распространения в Русском государстве украинских историко-культурных традиций.⁸

Редакцию повести, входящую в свод 1650 г., следует считать самой первой не только потому, что она включена в более ранний памятник, чем другие редакции. Ряд чтений повести в своде 1650 г. по-видимому, старше, чем в других группах текстов.⁹ Таково, например, начало повести, представляющее собой вольный пересказ 1-й, 9-й и 11-й глав Книги Бытия из Библии и не имеющее аналогии в других русских сочинениях. Род первых русских князей выводится в этой редакции повести из «прусской земли».

Среди списков повести, входящих в свод 1650 г. (группа I A), можно выделить две основные подгруппы: в одной свод 1650 г. помещен в самом начале соответствующих рукописей;¹⁰ в другой — в начале рукописей находится хронограф (имеющий в некоторых случаях предисловие астраханского архиепископа Пархомия), а свод следует за ним.¹¹

Наряду с продолжавшейся перепиской повести в составе свода 1650 г. она стала распространяться и в качестве самостоятельного произведения, претерпев при этом некоторые изменения. Так, в начальной части повести вольный пересказ первых глав Книги Бытия был заменен фрагментом, заимствованным из упомянутого выше рассказа о потомках Августа. В данном фрагменте более подробно описывалась история Ноя и его сыновей (см. с. 54—55). Подобный прием (замена произвольных обработок известных сюжетов другими — более традиционными для русской книжности — текстами на ту же тему) был распространен в XVI—XVII вв. и, в частности, применялся при редактировании самого рассказа о потомках Августа.

⁸ История русской литературы X—XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 373.

⁹ Предположение о создании повести в процессе работы над сводом 1650 г. совпадает с мнением Б. М. Клосса о том, что «эта легендарная повесть возникла около середины XVII в.» (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 282).

¹⁰ Списки второй половины XVII в.: ГБЛ, Ундол. 755, Музейн. 2915; XVIII в.: ГБЛ, Ундол. 766, Музейн. 620, Тихонр. 52. Сокращенный вариант под названием «Выписано из летописчика вкратце и о русской земле... и вся по роду, что была в российской державе по 158 год» — список второй половины XVII в.: ГБЛ, Большаков. 134; список (без заглавия) XVIII в.: БАН, 33.14.29.

¹¹ Списки второй половины XVII в. под названием «Летописчик (летописец) вкратце о русской земли...»: ГПБ, Погод. 1450, Эрмит. 565, F.IV.216; ГБЛ, Беляев 2/1507; список XVIII в.: ГБЛ, Шибанов. 124. Сокращенный вариант хронографа и свод 1650 г. в списке конца XVII—начала XVIII в.: ГПБ, Солов.21/1480.

Начальный фрагмент повести
в редакции I А (по списку ГПБ,
Погод. 1450)

Искони бог сотвори небо и землю. Земля же была невидима и не украшена, и тма верху бездны, и дух божии ношашеся верх воды и прочая. Зде же сокращения ради многая святая писания, яже писана о сотворении всея твари и о Адаме, претечем, но о сем точию да речем. От Адама же убо до потопа 2244 лета. По потопе же убо и по Нои начаша человецы множитися на земли. Новы же дети Сим, Хам и Афет разделиша всю землю на три части и паде има жребий: Симу восточная страна, Хаму же полуденная страна, Афету убо западная и полунощная страна. Но еще живяше вси вкупе, уста едины и глас един всем. Умыслиша суетно да созиждут себе град и столп, ему же высота до небеси. И разгневаясь на них бог за то суетное дело их и размеси их на 72 языки. Они же согласиста ся каждо к согласию коегождо языка и тако разыдошася по странам, яко же о сем выше рехом. Бысть же убо от потопа до разделения язык лет 530, а от Адама 2244 лета. Нецыи же от Афетовых правнуков имя единому Скиф а второму имя Зардан отлучишася от братие своея и от рода своего от западных стран и коснушася полуденных и вселишася во Евксинопонте. . .

Начальный фрагмент в редакции I Б
(по списку ГПБ, Погод. 1405)

В лето от сотворения света 2244-е во второе же лето по потопе по благославлению Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сынам его Симу, Хаму и Афету. Извержеша от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане упився вином. И потом истрезвися Ной от вина, и уразуме, елико сотвори ему меньший сын его и рече: «Проклят буди Хам отрок и да будет раб братома своима». И благослови Ной двух сынов своих Сима и Афета, иже прикрыша наготу отца своего, опако зряще, наготы же его не видевше. И благослови Сифа сына Ар-

Фрагмент «Сказания о князьях
владимирских» (Дмитриева Р. П.
Сказание о князьях владимирских,
с. 171)

По отца своего Ноя благословиению разделися вся вселенная на три части трем сыном его: Симу, Хаму и Афету. Извержеша от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане не покры наготы отца своего Ноя, упившися вином. Егда истрезвися Ной от вина и вразуме, елико сътвори ему сын его меньший, и рече: «Проклят буди, Хам, да будет раб братома своима». И благослови двух сынов своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего, опаки зрящи, наготы же не видевша. И благослови Симова сына Арфаксада, яко да вселится в пределах Ха-наоновых. . . Афету же излишая (!) племена от северных стран даже и до полунощия.

Начальный фрагмент редакции II
(по списку Погод. 1406)

В лето от сотворения света 2244-е по потопе во 2-е лето по благословиению отца своего Ноя Афету излившася на западныя страны и на северныя даже и до полунощныя. По мале же времени правнуцы Афетовы Скиф и Зардан отлучишася от братии своей и от рода своего от западных стран и коснушася полуденных стран и вселишася во Евксинопонте. . .

Начальный фрагмент в редакции I Б
(по списку ГПБ, Погод. 1405)

факсадова да вселится в пределах
Ханаановых. Афету же по благосло-
вению отца своего Ноя излившуся
на западныя страны и на северныя
и даже и до полунощия. По мале же
времени правнучы Афетовы Скиф
и Зардан отлучишася от братии
своея и от рода своего от западных
стран и коснушася полуденных стран
и вселишася во Евксинопонте. . .

В отличие от первого варианта данной редакции повести в за-
ключительной фразе о приходе Рюрика на Русь были добавлены
слова о сопровождавших его братьях.

Списки, содержащие этот вариант повести, составляют группу
I Б.¹² Они входят в ряд хронографов, летописей, сборников (глав-
ным образом исторического содержания). Если принять за основу
классификации списков группы I Б их заглавия и характерные
различия, а также состав содержащих их рукописей, можно
выделить семь основных подгрупп, каждая из которых включает
списки конца XVII—XVIII в.

Подгруппа I Б 1. «История (о истории еже) о начале (зачале)
Руския земли и создании Новаграда и откуда влечашеся род сло-
венских князей, а во иных хронографех сия повесть не обрета-
ется»: в 177-й главе Хронографа (списки конца XVII—начала
XVIII в.: ГБЛ, Рогож. 84, Румянцев. 457); в сборниках конца
XVII—начала XVIII в.: ГБЛ, Большаков. 418; ГПБ, Титов. 2759;
БАН, 16.3.2

Подгруппа I Б 2. «Сказание границы руского государства от
начала вкратце, како зачася и в кое лето»: в 121-й главе Хроно-
графа (списки конца XVII в.: ГБЛ, Попов. 11; ГИМ, Музейск.
2897)¹³ и в сборнике конца XVII в.: ГБЛ, МДА. 146 (без за-
главия).

Подгруппа I Б 3. «Сказание откуда зачася Руское и Полское
государство и о зачатии града Словена (Словенска), иже ныне
Великий Нов град (и протчих градов)»: в 121-й главе Хронографа
(списки конца XVII—начала XVIII в.: ГИМ, Вахрамеев. 124,
Щукин. 171) и в летописном сборнике конца XVII в.: ГИМ, Му-
зейск. 1473.

¹² Архетип этой группы являлся, по-видимому, извлечением из свода
1650 г. Возможно, что в эту «выборку» вошел и фрагмент, описывающий
основание Москвы Олегом. Во всяком случае в ряде списков группы I Б
вслед за изучаемой повестью помещен этот фрагмент свода (БАН, 4.7.27;
ГПБ, Титов. 2759; ГБЛ, Попов. 11). В списке БАН, 33.10.5. он имеет загла-
вие «О начале царствующего града Москвы».

¹³ В этих двух списках повесть разделена на восемь глав и за нею
следуют пять глав «Синописа».

Подгруппа I Б 4. Списки без заглавия в хронографических сборниках конца XVII в. перед «Новым летописцем» (ГБЛ, Овчинников. 482, Румянцев. 413; ГИМ, Синод. 153) и под заглавием «Летописец славенороссийский о правнучех Иафетовых» в сборнике 1698 г.: БАН, 33.10.5.

Подгруппу I Б 5 образуют близкие по чтением тексты, открывающие собой летописные сборники второй половины XVII в.: список без заглавия, предшествующий так называемой Холмогорской летописи (ГПБ, Погод. 1405);¹⁴ список, озаглавленный «Начало Словенску, иже есть Великий Новград именуетьца» и предшествующий Никаноровской летописи (БАН, 16.17.1);¹⁵ список под заглавием «История о начале Словенска, еже есть Великаго Новаграда и всеа великия Руси и о самодержателях» — перед Степенной книгой в сборнике ГБЛ, Тихонрав. 557.

Обратим внимание на список Погод. 1405, в котором текст (изданный под названием «Холмогорская летопись») имеет заглавие «Книга летописец Киевский, и Володимерский и Московский...». Может быть, использование повести в качестве предисловия к данному Киевскому летописцу стало причиной того, что при последующей переписке в начале повести появилась ссылка на «киевскую историю».

С этой ссылкой начинаются списки, образующие *подгруппу I Б 6*. Так, в хронографическом сборнике третьей четверти XVII в. (ГБЛ, Овчинников. 717) неозаглавленному тексту повести предпосланы слова «Выписка история», а на поле добавлено «Киевскаго» (мужской род прилагательного объясняется, вероятно, тем, что оно относилось к слову «летописец»). Аналогичная запись («Выписано из история киевскаго») содержится в «Цветнике» 1665 г. (ГИМ, Синод. 908) и во «Временнике» конца XVII в. (ГПБ, Погод. 1465). В сборниках конца XVII в. (ГПБ, Ф.XVII.15 и БАН, 4.7.7) в начале повести сказано: «Выписка (выписано) из история Киевскаго о начале (зачатии) Словенска Великаго, иже есть (ныне) Великий Новград», а в сборнике БАН, Арх. С. 198 — «Выписано из истории из киевских книг».

В последней четверти XVII в. ссылка на «историю киевскую» стала, очевидно, вызывать ассоциации с напечатанным в Киеве в 1674 г. «Синописсом». В ряде списков конца XVII—XVIII в. (*подгруппа I Б 7*) повесть открывается словами «Выписано из истории киевской печатной книги» или «Выписано из книги истории киевские печатные» (сборники и своды ГПБ, Погод. 1404б, Погод. 1470, Погод. 1531; ГБЛ, Долгов. 7, Никифор. 465, Никифор. 522; БАН, 4.7.27, БАН, 31.4.25; ЦГАДА, Синод. 35).¹⁶ Ука-

¹⁴ ПСРЛ, т. 33. Л., 1977.

¹⁵ ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962.

¹⁶ Заголовок «Выписано из истории киевской печатной книги» находится и в списке ГПБ, Ф.XVII.17. Б. М. Клосс именует эту рукопись «Троицким сборником», так как основу содержащегося в ней летописно-

знание на «печатную историю киевскую» как на источник повести, явившееся результатом ошибочного отождествления одного из содержащих ее сборников с «Синописом», перешло и в одну из последующих ее редакций.

До сих пор речь шла о различных вариантах первой редакции повести, воспроизводивших (с теми или иными разночтениями) текст, представленный в своде 1650 г. Во второй половине 1650-х годов в Москве был создан новый свод, доведший летописный рассказ до 1652 г. и получивший название «Книга глаголемая летописец великия земли росийския великаго славенскаго языка, отколе и в кои лета начаша быти великие князи и когда крещение прият руская земля».¹⁷ Текст повести, открывающий списки этого свода, имеет существенные особенности.

Если сокращение рассказа о сыновьях Ноя (см. с. 54) могло быть вызвано стремлением выделить наиболее важную для сюжета линию Яфета или просто явилось результатом гаплографической ошибки, то другие изменения текста вносили в содержание повести новые аспекты.

Во-первых, расчеты времени «от сотворения света до начала Словенска Великаго» были дополнены указанием срока от основания Словенска «до Римскаго начала царства» («за 1657 лет») и краткой заметкой «О начале Римском». Поскольку Новгород (Словенск) оказывался старше Рима, протяженность русской истории еще более увеличивалась, однако представление о преемственной связи Руси с Римом ставилось под вопрос.

Во-вторых, был введен фрагмент «О начале Киевском и о граде», повествующий о Кие, Щеке и Хориве и восходящий к Повести временных лет. Благодаря этому легендарное содержание изучаемого нами сочинения вышло за рамки новгородской истории и приобрело общерусский характер.

хронографической компиляции составляет Троицкая редакция Никоновской летописи (Клосс Б. М. Никоновский свод..., с. 274). Сборник этот носит следы чтения умершего в 1668 г. Арсения Суханова, значит, он был составлен до выхода в свет «Синописа». Изучение сборника показывает, что при переписке повести было оставлено место для ее заглавия, но, по-видимому, пробел не был заполнен переписчиком (некоторые пробелы перед частями рукописи остались пустыми до сих пор). Киноварная вязь, которой выполнен заголовок повести, принадлежит руке опытного знаменщика и отличается от заголовков, сделанных переписчиком. Вероятно, заголовок повести был внесен в сборник уже в то время, когда «печатная история киевская» (=«Синопис») вошла в обиход русских книжников. Может быть, этот заголовок появился в рукописи ГПБ, F.XVII.17 в процессе использования ее при составлении Патриаршего свода 1670-х годов (Клосс Б. М. Никоновский свод..., с. 281). Ведь в рукописях 1670-х годов, содержащих этот свод и написанных после выхода в свет «Синописа», повесть уже носит такое название.

¹⁷ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. — Истор. записки, 1945, т. 14, с. 111—112; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы, с. 269; 2) История русского летописания..., с. 483—486.

Особенно существенным было изменение текста, рассказывающего о призвании первых русских князей: в отличие от первой редакции, Гостомыслу приписывался совет отправить послов не в «прускую землю», а в «варяжскую» (в некоторых списках — «в варяжскую землю прускую»). Тем самым разрушался сюжет легенды о родстве русских правителей с императором Августом, согласно которой Рюрик был потомком его родича Пруса, правителя «Прусской земли». Отход от первоначальной версии этой легенды был одним из проявлений начавшегося с середины XVII в. процесса угасания идеи связи русской государственности с мировыми державами прошлого.¹⁸

Текст второй редакции повести (II) представлен двумя группами списков. В одной из них (II А), как уже говорилось, повесть входит в состав свода 1652 г.¹⁹ Ко второй группе (II Б) относятся списки, находящиеся в кратких летописцах и сборниках конца XVII—XVIII в. В ряде случаев они сохраняют следы связи со сводом 1652 г.,²⁰ а в других — носят характер самостоятельных произведений.²¹

Свод 1652 г. явился основным источником по русской истории для хорвата Юрия Крижанича, приехавшего в 1659 г. в Россию. Составленный им в 1661—1662 гг. конспект свода отражал все особенности второй редакции повести о древнейшей истории Руси.²²

В начале выписок Крижанича указано: «Летописец из Украины родом». Трудно сказать, было ли это произвольной догадкой Крижанича или в его руках находился список свода, аналогичный списку ГБЛ, Большаков. 423, имеющему на поле помету: «Летописец Киевский пре[дговорие?]».²³ А может быть, Крижанич уловил отразившееся в данной редакции повести (как и во всем своде 1652 г.) стремление подчеркнуть роль днепровского региона в истории русской государственности. Тенденцию эту следует, видимо, поставить в связь с новыми веяниями в русской историографии после воссоединения Украины с Россией.

¹⁸ Гольдберг А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII вв. — История СССР, 1975, № 4, с. 73.

¹⁹ Списки второй половины и конца XVII в.: ГПБ, F.IV.297; Погод. 1406; ГБЛ, Большаков. 423; ГИМ, Музейск. 3058; ЦГАДА, Мазурин. 522 (ПСРЛ, т. 31. М.—Л., 1974). Списки конца XVII—XVIII в.: ГПБ, Q.IV.474; БАН, 21.6.6; ГБЛ, ОИДР. 128, Музейн. 9476. Список начала XIX в.: ГБЛ, Беляев. 7 (1513).

²⁰ ГБЛ, Беляев. 21 (1528); ГПБ, F.IV.229; ГИМ, Увар. 543/1396, Чертков. 272.

²¹ ГИМ, Забелин. 263 («Сказание о славенороссийском народе и о языке, иже в части Афета сына Ноева, и о зачале Великаго Новеграда»); ГПБ, Погод. 1953 («Выписано ис киевские истории о зачале Великаго Новеграда»).

²² Гольдберг А. Л. Работа Ю. Крижанича над русской летописью. — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 349—354.

²³ Происхождение этой пометы могло объясняться тем, что переписчик данной рукописи корректировал ее по «Летописцу Киевскому и Володимерскому и Московскому», описанному по списку Погод. 1405.

Дальнейшее редактирование повести происходило в процессе ее включения в новгородские летописные сборники последних двух десятилетий XVII в. Исследователь новгородского летописания С. Н. Азбелев описал множество сборников, в которых представлена эта повесть.²⁴ Однако, поскольку она не была для него предметом специального изучения, он не сопоставлял ее тексты друг с другом, а также с текстами, находящимися вне круга новгородских летописей. Между тем такое сопоставление и анализ его результатов позволяют значительно уточнить ее литературную судьбу.

Во всех новгородских летописных сборниках тексты повести имеют ряд общих чтений, отличающихся от чтений первой и второй ее редакций:

счет времени от «создания мира» (а не от «сотворения света» или «от Адама»);

наличие в тексте заголовков: «О первом запусении Словенска (Новгорода)» и «О втором запусении Словенска (Новгорода)»;

Гостомыслу приписывается совет отправить послов «в прускую и варяжскую землю» и говорится об их отъезде «в варяжскую и прускую землю»;

повесть дополнена рассуждением о том, что род Рюрика—Владимира правит «и доныне» и что русские земли «непрерывно обладаемы владимировыми благородными чады и внучаты в роды и роды». Так, на исходе XVII в. новгородские книжники вновь обратились к давней русской идее «киевского наследства», хотя она и утратила к этому времени былое политическое содержание, а воспринималась скорее как возрожденная литературная формула.

Поскольку указанные чтения присущи всем спискам повести, включенным в новгородские летописи, можно заключить, что эти чтения содержались в архетипе данной редакции (III). Текст ее начального фрагмента наиболее близок к группе I Б. Судя по тому, что в большинстве списков третьей редакции содержатся слова «Выписано (из) история Киевская», источник этой редакции восходил к подгруппе I Б 6.

Можно предположить, что архетипный список третьей редакции находился в сборнике, включавшем переписанный текст «Синописа». Во всяком случае в большинстве списков этой редакции повесть встречается в сочетании с полным текстом или с фрагментами «Синописа». При этом в некоторых случаях повесть сохранила свою первоначальную форму, а в других — вошла в состав компилятивных рассказов о происхождении славян и о начале русской княжеской династии. Сочетание повести с «Синописом» и некоторые другие особенности текста позволяют выделить в третьей редакции повести несколько групп.

В списках группы III А перед повестью находится фрагмент «Синописа» под названием «О начале славепороссийского народа

²⁴ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

и о первоначальных князях вкратце».²⁵ В более поздних списках²⁶ выписка из «Синописа» отсутствует, но сохраняются другие особенности, присущие данной группе текстов: заголовок «Выписано из история киевская, Зачало Великому Новуграду» и дополнение хронологических расчетов указанием времени от основания Словенска «до крещения Владимирова за 3390 лет» и «до Москвы за лет за 3700». Все списки этой группы входят в состав сборников, включающих (согласно классификации С. Н. Азбелева) краткую редакцию III новгородской летописи, созданную между 1682 и 1690 гг.²⁷

Близка к группе III А и группа III Б, списки которой имеют то же самое заглавие, но расчеты времени «до Владимира» и «до Москвы» отсутствуют, а фрагмент «О начале славенороссийского народа» помещен не перед повестью, а *после* нее.²⁸ По классификации С. П. Азбелева, эти списки входят в сборники с краткой редакцией Новгородской Погодинской летописи, составленной в 1680—1690-х годах.²⁹

Большие изменения внес в повесть составитель архетипа группы III В. Во-первых, повесть был придан новый заголовок: «Начало Великаго Новаграда и всего славенороссийскаго народа, откуда начаса и како донине славою пресветлою сияют», объединивший одно из ранних заглавий повести («Зачало Великому Новуграду») с заглавием фрагмента «Синописа» («О начале славенороссийского народа»).

Во-вторых, после эпизода погребения Гостомысла в повесть было вставлено подробное изложение начальных глав «Синописа». Это изложение открывается (как и «Синопис») фразой «В столпотворении егда раздели бог...» и далее включает ряд фрагментов, названия которых во многих списках почти дословно воспроизводят названия соответствующих глав «Синописа». Так, фрагмент о Кие, Щеке и Хориве назван «О создании града Киева» (в «Синописе» — «О первоначальных князях киевских и создании града Киева и о имени его»), далее следует фрагмент «Когда словяны начаша писмена знати» (в «Синописе» — «О сем, когда россы писмена знати начаша»). Завершающий вставной фрагмент озаглавлен «О пришествии в Великий Новград князя Рюрика и о княжении его в Великом Новеграде» (в «Синописе» — «О княжении Рюрика с братиею в российской земле»).

По окончании выписок из «Синописа» помещена традиционная концовка повести (о приходе Рюрика «из варяжской и прусской земли») и воспроизведен добавленный во всех списках тре-

²⁵ БАН, 32.3.16 (конец XVII в.); ГПБ, Погод. 1416 (конец XVII — начало XVIII в.), Q.IV.78 (первая половина XVIII в.).

²⁶ БАН, Успен. 210 (1760-е годы); ГПБ, F.IV.623 (вторая половина XVIII в.), Титов. 4150 (конец XVIII в.), Титов. 3250 (конец XVIII в.).

²⁷ Азбелев С. Н. Новгородские летописи, с. 68.

²⁸ ГПБ, Титов. 3217 (конец XVII в.), Q.IV.148 (конец XVIII в.), Q.IV.529 (конец XVIII в.); ГБЛ, Румянцев. 464 (XVIII—XIX в.).

²⁹ Азбелев С. Н. Новгородские летописи, с. 77.

твѣй редакции фрагмент о продолжении династии Рюрика «в роды и роды», а за ним снова следует глава «Синописиса» «О Осколде и Дире како начаша княжити в Киеве».

Таким образом, в группе III В представлена оригинальная компиляция, составитель которой стремился собрать воедино легендарные известия о древнейшей истории новгородской и киевской Руси, содержащиеся в распространенных к тому времени сочинениях. Списки, в которые входит эта компиляция, относятся, по классификации С. Н. Азбелева, к полному³⁰ и к сокращенному³¹ видам Новгородской Погодинской летописи.³²

Еще один вариант компиляции, созданной на основе повести и «Синописиса», представлен в так называемом Забелинском сборнике, созданном в 1681 г.³³ Здесь фрагменты «Синописиса» (именуемого «новым печатным летописцем 7182 года») чередуются с фрагментами повести (она тут названа «старым новгородским летописцем»). Составитель компиляции изменил традиционную последовательность эпизодов повести и ввел в нее множество дополнительных вымышленных дат. Этот вариант повести (III Г) более всего отличается от ее исходной редакции и еще дальше уходит от той легенды о происхождении русской государственности, которая содержалась в рассказе о потомках Августа и дарах Мономаха, созданном в XVI в.

На основе всего сказанного взаимоотношение редакций изучаемой повести может быть представлено в виде стеммы (см. с. 62).

Заключительный этап литературного пути изучаемой нами легендарной повести связан с «Историей Российской» В. Н. Татищева. В тридцать третьей главе 1-го тома своего обширного труда В. Н. Татищев приводит выписку из начальной части «Степенной новгородской [книги]», которую он «от Крекшина брал».³⁴ Это фрагмент о Скифе, Словене и Русе, близкий по своим особенностям к тексту рукописи ГПБ, Погод. 1518 (редакция III А), озаглавленному «Выписано из Степенной книге, откуда произыде словенский род, российский государство, и о великих государех и великих князех российских».

В. Н. Татищев называет автора этой легенды «вралем» и считает, что «он сказание Иоакимово за основание имея, да не разу-

³⁰ Списки XVIII в.: ГПБ, Погод. 1411, Эрмит. 414, Эрмит. 445; ГИМ, Чертков. 331.

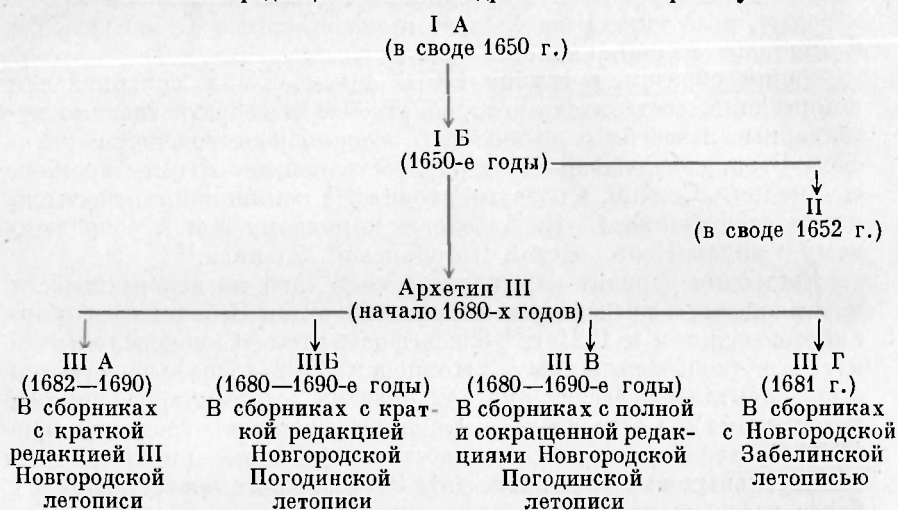
³¹ Списки XVIII в.: БАН, 17.8.25, 21.6.13; ГПБ, F.IV.370, F.IV.888, Погод. 1474, СПб. ДА А—1/260, Эрмит. 444; ГИМ, Увар. 2 (1399), Забелин. 270.

³² Азбелев С. Н. Новгородские летописи, с. 77—83.

³³ ГИМ, Забелин. 261. Списки XVIII в.: БАН, 34.2.26; ГБЛ, Музейн. 733. Об этом тексте приходится говорить с осторожностью, поскольку в Забелинском списке листы, содержащие повесть, были утрачены и восполнены лишь в XVIII в. (Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. — Новгородский истор. сборник, вып. 7. 1940, с. 68).

³⁴ Татищев В. Н. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 310.

Основные редакции повести о древнейшей истории Руси

мея, хотел пополнить и темность онаго изъяснить, токмо ума столько не было».³⁵ Речь идет о помещенной в «Истории» Татищева Иоакимовской летописи, в которой тоже упоминаются Скиф, Словен и некоторые другие герои изучаемой нами повести (Избор, Гостомysl, Рюрик), хотя они и включены в иной по своему содержанию легендарный сюжет.³⁶

В трудах советских ученых (С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомирова)³⁷ показано, что мнение Татищева о создании Иоакимовской летописи в древние киевские времена было ошибочным и время ее возникновения следует, по-видимому, отнести к самому концу XVII в.³⁸ В таком случае взаимовлияние Иоакимовской летописи и изучаемой нами повести носило не такой характер, как предполагал Татищев, а прямо противоположный. Очевидно, составитель Иоакимовской летописи, будучи знакомым с повестью о древнейшей истории Руси, позаимствовал из нее несколько героев и создал новую, не менее фантастическую легенду. Однако она не получила распространения в тогдашней письменности и оказалась представленной только в татищевской «Истории».

В отличие от нее легендарная повесть, возникшая в середине XVII в., стала составной частью множества рукописных книг,

³⁵ Там же, с. 311.

³⁶ Там же, с. 107—110.

³⁷ Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись. — Истор. записки, 1947, т. 21, с. 259—271; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, т. 1, с. 50—52.

³⁸ С. К. Шамбинаго (Иоакимовская летопись, с. 269) считал, что летопись эта получила свое название от имени патриарха Иоакима (1674—1690), при котором она была создана.

включивших ее различные редакции. Выделение основных редакций повести позволяет проследить эволюцию русских историко-политических идей во второй половине XVII в., дать надежные ориентиры для определения состава и датировки рукописей, содержащих эту повесть, и подготовить ее издание в соответствии с требованиями современной науки.

Я. Г. СОЛОДКИН

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ИНОГО СКАЗАНИЯ»

В 1853 г. И. Д. Беляев по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1503 (далее — П) издал повесть о событиях конца XVI — начала XVII в. Помещенная в рукописи за «книгой» Авраамия Палицына, повесть начиналась словами: «Той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Инаго творения», поэтому археограф условно назвал произведение «Иным сказанием».¹

«Иное сказание» сразу было признано ценным источником для изучения социально-политической борьбы в России кануна Смуты и самого лихолетья. С. Ф. Платонов посвятил ему большой раздел своей монографии об отражении Смутного времени в нарративных произведениях XVII в. Исследователь обнаружил второй список памятника — ГБЛ, Музейное собр., № 1836 (далее — М), тоже сопровождающийся «Историей» Авраамия Палицына.²

«История» сопутствовала «Иному сказанию» и в третьем (ныне, вероятно, утраченном), воронежском, списке, на который указал С. Ф. Платонов во втором издании своей книги. Этот список второй половины XVII в. подчас давал иные чтения, нежели ПМ, но в нем не хватало последних листов.³

¹ ВОИДР, 1853, кн. 16, Материалы, с. 1; Так называемое Иное сказание. СПб., 1907, с. 1 (далее ссылки на последнее издание даются в тексте). — Некоторые исследователи ошибочно считают название произведения авторским. См.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания). — Истор. записки, 1945, кн. 14, с. 102; Зимин А. А. «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства. — ТОДРЛ, 1955, т. XI, с. 201—202.

² Список сделан в 70—80-х годах XVII в. при участии одного из двух писцов, работавших над П. Возможно, оба сборника вышли из одной книгописной мастерской (Шмидт С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания. — Зап. ОР ГБЛ, 1977, вып. 38, с. 156).

³ См.: Рукописи и древние акты Воронежского губернского музея. — Труды Воронежской уч. архив. комиссии, 1902, вып. 1, отд. 11, с. 90—94; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 445, примеч. 1; К у-